

ELENA OBRAZTSOVA
mezzo-soprano

Schumann
Mahler

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА
меццо-сопрано

Шуман
Малер

Елена Образцова знакома миллионам любителей музыки, прежде всего, как выдающаяся оперная певица XX века, блиставшая в партиях русского, итальянского, французского репертуара на лучших сценах мира. Вместе с тем не меньше времени она отдавала концертной деятельности, увлеченно занималась камерной музыкой. Важное место в камерных программах певицы принадлежало вокальным циклам де Фальи, Гранадоса, Мусоргского, Прокофьева, Свиридова, Шумана, Малера, Равеля...

Елена Образцова обратилась к камерному творчеству Шумана еще в начале своей концертной деятельности. Весной 1970 года с концертмейстером Александром Ерохиным она впервые исполнила вокальный цикл *«Любовь и жизнь женщины»* на стихи А. Шамиссо. И позже неоднократно возвращалась к этому сочинению, которое оставалось в числе ее самых любимых произведений. Вокальный цикл *«Любовь и жизнь женщины»* певица исполняла во многих городах мира: в Москве, Петербурге, Будапеште, Праге, Минске, Тбилиси, Париже, Риме, Милане... Среди наиболее памятных исполнений – концерты на фестивале в Зальцбурге в августе 1979 года и в лондонском Уигмор-холле, где состоялась ее встреча с Элизабет Шварцкопф.

Великий немецкий композитор Роберт Шуман (1810–1856) является автором более 200 романсов и песен, многие из которых принадлежат к высшим достижениям камерно-вокальной лирики XIX века. Творческому подъему, благодаря которому были созданы эти произведения, предшествовало счастливое окончание многолетней борьбы Шумана за возможность вступить в брак с Кларой Вик. Будучи моложе Шумана на девять лет, Клара была уже известной пианисткой, и ее отец, лейпцигский педагог Фридрих Вик, у которого Шуман брал уроки фортепиано, всеми силами противился стремлению дочери соединить свою судьбу с Шуманом. Дело кончилось длительным судебным разбирательством, из которого Шуман вышел победителем. 12 сентября 1840 года Роберт и Клара Шуман обвенчались. Этот счастливый поворот вызвал прилив творческой энергии композитора. Не случайно 1840 год в его биографии называют *«годом песни»*: Шуман написал 138 песен, в том числе лучшие вокальные циклы: *«Круг песен»*, *«Мирты»*, *«Любовь поэта»*, *«Любовь и жизнь женщины»*.

«Какое наслаждение писать для пения... Эта музыка совсем, совсем иного рода, не та, которая возникает при помощи пальцев, – она намного непосредственнее, мелодичнее», – писал Шуман. Остро и глубоко чувствуя своеобразие стиха и рожденного им поэтического образа, в песенной лирике композитор тяготел к творчеству выдающихся поэтов: Гёте, Гейне, Шиллера, Байрона, Эйхендорфа, Мёрике, Бёрнса, Шамиссо.

Шуман сделал песню чуткой выразительницей мира человеческих чувств и переживаний, достигнув исключительно тонкой индивидуализации музыкального образа. Мастер точной портретной характеристики, он находил для каждой песни свое ритмическое решение, выразительный мелодический рисунок. Так рождались песни интимно лирические и миниатюрные песни-портреты, лаконичные, афористически сжатые, романтизированные картины природы, написанные прозрачными акварельными красками, и суровые старинные баллады. Стремясь к предельной выразительности вокальной партии, Шуман использовал широкие распевные мелодии, близкие немецкой народной песне и городскому романсу, а также в значительной степени опирался на сложно разработанный речитатив, чутко отражающий тончайшие психологические оттенки поэтического текста.

Важная роль в песнях Шумана отведена фортепианной партии, которая становится равноправным участником ансамбля. О его песнях можно сказать, что они являются дуэтами голоса и фортепиано. Развитая детализированная фортепианная партия как бы «договаривает», «досказывает» содержание вокальной пьесы. Отсюда значительно вырастает роль инструментальных вступлений и постлюдий.

На диске представлена запись пяти песен Шумана и вокального цикла *«Любовь и жизнь женщины»*, которая была осуществлена Еленой Образцовой и концертмейстером Важей Чачавой в сентябре 1979 года на фирме *«Мелодия»*. *«Трактовка певицы пленяет простотой и естественностью чувства, глубиной переживания, тонкостью психологических оттенков»*, – отмечала критика. По результатам конкурса фирмы *«Мелодия»* в 1980 году пластинка была удостоена диплома I степени (звукорежиссер записи Игорь Вепринцев).

Почти все произведения Шумана, представленные в этой записи, относятся к *«году песни»*: *«Лотос»* из цикла *«Мирты»* (на стихи Г. Гейне), *«Лунная ночь»* из цикла *«Круг песен»* (на стихи Й. Эйхендорфа), *«Тихая любовь»* и *«Тихие слезы»* из *«Двенадцати стихотворений Юстинуса Кернера»*, только *«Моя роза»* из цикла *«Шесть стихотворений Николауса Ленау»* создана Шуманом в последний период творчества, в 1850 году.

Вокальный цикл *«Любовь и жизнь женщины»*, соч. 42, написан на стихи немецкого поэта-романтика Адельберта фон Шамиссо (1781–1838). Шамиссо был сыном французского эмигранта, бежавшего от революции. Германия стала его второй родиной. Кроме занятий поэзией Шамиссо был ученым-ботаником, путешественником и издателем журнала *«Немецкий альманах муз»*. Творчество Шамиссо имело широкую известность, особенно его любовная лирика и стихи, посвященные жизни семьи.

Творчество Густава Малера (1860–1911) принадлежит к замечательным музыкальным явлениям конца XIX – начала XX века. Наследие Малера поражает жанровым ограничением – симфонии и песни. Симфонии – грандиозные эпопеи, страстные речи, обращенные ко всему человечеству; песни – интимный дневник композитора, где он высказывает свои сокровенные мысли и чувства. В творчестве Малера эти жанры тесно переплетены между собой. Однажды композитор признался, что всю жизнь пишет музыку, отвечая на вопрос Достоевского: *«Как я могу быть счастливым, если где-то страдает другое существо?»*. Об этом его симфонии с острейшими драматическими коллизиями, экзистенческими взлетами, насыщенные трагедийным пафосом и светлой возвышенной лирикой. Об этом же вокальные циклы, созданные на собственные слова, на тексты народных песен и на стихи его любимого поэта-романтика Фридриха Рюккерта (1788–1866).

Пять стихотворений, легших в основу вокально-симфонического цикла Малера *«Песни об умерших детях»*, поэт написал после смерти двух своих детей. Сочинение представляет собой цикл маленьких элегических поэм, объединенных темой неутоленного горя. Безмерная скорбь изливается в этих стихах...

Контрасты образов – смерти и жизни, еще безмятежного вчера и страшного сегодня, солнечного света и душевного мрака, разбитого счастья и вечно праздничной природы. Композитор обратился к этим стихам в 1901 году, возможно, под влиянием Достоевского, для которого, как и для Малера, самым животрепещущим был вопрос: «*За что страдает дитё?*». Также возможно, что на выбор темы повлияли детские переживания самого композитора: он был вторым ребенком в семье, где родились четырнадцать детей, но восемь его братьев умерли в детстве.

«*Песни об умерших детях*» создавались Малером с 1901 по 1904 годы как цикл вокально-симфонический, фортепианный вариант появился позднее. Музыкальный язык цикла опирается на традиции немецких Lied. Его отличают такт, благородная сдержанность. Важным элементом музыкальной речи, при помощи которого достигается величайшая психологическая выразительность песен, является их тонкая, лаконичная оркестровая палитра. В цикле разворачивается целая гамма скорби, достигающей кульминации в последней песне: опустошенность после первых взрывов отчаяния, одиночество, забвение, которые приносят воспоминания, и, наконец, полная потеря чувства реальности, а затем страшное оцепенение, приводящее измученные души родителей к горестному смирению.

Медленна и сосредоточенна первая песня «*Заря восходит, так светла*». Ее начинают гобой и валторна, затем вступает голос. Мелодия сдержанна, внешне она даже кажется спокойной. Лишь на мгновение прорывается отчаяние. Как непосредственное продолжение первой песни – вторая «*Теперь понятно мне в моей печали*». Мелодия ее более гибкая, распевная, в ней больше открытой эмоциональности. Третья песня «*Чуть слышу я: мать вошла твоя*» – новая грань, новый оттенок настроения. Впервые это обращение к ребенку: простая песенная мелодия звучит ласково, словно детская колыбельная. В сопровождении мерный покачивающийся ритм. Постепенно растет напряжение: чувства выходят за рамки простой песни, и снова возвращается мерное покачивание колыбельной. Четвертая песня «*В плену я одной мечты знакомой*» взволнованна, полна движения. Здесь страдание уже не прячется под маской спокойствия

и умиротворения. Финал – «*В такую бурю, свидетель Бог*» – как бы выливается из предшествующей песни. Музыка живописует картину бурной непогоды. Но это и буря отчаяния в душе. Спокойный, мягко распевный эпизод приходит на смену неистовым звучаниям, постепенно все замирает.

Впервые Елена Образцова исполнила цикл Густава Малера «*Песни об умерших детях*» 9 февраля 1977 года в сопровождении Академического симфонического оркестра филармонии под управлением Юрия Симонова в концерте, состоявшемся в Большом зале Ленинградской филармонии. И на протяжении двух десятилетий певица неоднократно возвращалась к этой музыке, исполняя как вокально-симфонический, так и фортепианный варианты.

На диске представлена запись концерта в Москве 15 апреля 1981 года, сделанная по трансляции из Большого зала Московской консерватории, с участием Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением Юрия Симонова.

Составитель Л.А. Леонтьева*

*Использованы тексты статей А. Кенигсберг (Р. Шуман) и Л. Михеевой (Г. Малер), опубликованные в справочнике-путеводителе «111 ораторий, кантат и вокальных циклов», и материалы Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия».

Elena Obraztsova is known to millions of music lovers primarily as a twentieth century outstanding opera singer who shone in the parts of Russian, Italian and French repertoire on the world's best stages. At the same time, she was as much committed to concert appearances and chamber music. The vocal cycles by de Falla, Granados, Mussorgsky, Prokofiev, Sviridov, Schumann, Mahler and Ravel were an integral part of the singer's concert programmes.

Elena Obraztsova turned to Schumann's chamber works at the outset of her career. In the spring of 1970, accompanied by concertmaster Alexander Yerokhin, she performed for the first time the vocal cycle *Frauenliebe und -leben* (A Woman's Love and Life) set to the poems of Adelbert von Chamisso. Later on, she would revisit this work that remained among her favourite ones. The singer performed *Frauenliebe und -leben* in many cities of the world – Moscow, St. Petersburg, Budapest, Prague, Minsk, Tbilisi, Paris, Rome and Milan. Her concerts at the Salzburg Festival in August 1979 and at London's Wigmore Hall where she met Elisabeth Schwarzkopf were among the most memorable performances.

The great German composer Robert Schumann (1810–1856) wrote over 200 romances and songs, many of which are among the highest achievements of nineteenth century chamber vocal lyricism. The period of upsurge of creative effort when these works were written was preceded by a happy ending of Schumann's long fight for the right to marry Clara Wieck. Being ten years younger than Schumann, Clara was already a well-known pianist, and her father Friedrich Wieck, a piano teacher from Leipzig who tutored Schumann, strongly opposed to their marriage. Following a long legal battle, the judge's decision was to allow the marriage. That happy turn caused a burst of the composer's creative energy. The year 1840 is referred to in his biography as the “year of song” for a good reason – he wrote 138 songs, including his best vocal cycles *Liederkreis*, *Myrthen*, *Dichterliebe* and *Frauenliebe und -leben*.

“What a delight it is to write for signing... This music is of a totally, totally different kind, not the one which appears by means of fingers, – it's much more ingenuous, tuneful,” Schumann wrote. Having a keen and deep insight into the originality of verse and the poetic image it bears, the composer was attracted to the works of the outstanding poets – Goethe, Heine, Schiller, Byron, Eichendorff, Mörike, Burns and Chamisso.

Schumann made the song a responsive exponent of the world of human feelings and emotions achieving an exclusively refined personalization of a music image. The master of accurate portrait description, he found a rhythmic solution and expressive melodic pattern for each of his songs. This is how intimate lyrical and miniature portrait songs, laconic, aphoristically concise and romanticized pictures of nature written in transparent watercolours and stern old ballads were born. Seeking an ultimately expressive vocal part, Schumann used broad songful tunes which were close to German folk songs and city love songs, as well as significantly relied on sophisticated recitatives which accurately captured the finest psychological shades of poetic text.

The piano part plays an important role in Schumann's songs becoming an ensemble member with equal rights. One may say that his songs are duets of voice and piano. A well-developed detailed piano part as if finishes what a vocal piece has to say. Hence the role of the instrumental intros and postludes significantly increases.

The disc features recordings of five Schumann's songs and vocal cycle *Frauenliebe und -leben* made by Elena Obraztsova and concertmaster Vazha Chachava in September 1979 on *Melodiya*. “The singer's rendition is captivating in its simplicity and naturalness of feeling, depth of emotion and delicacy of psychological tinges,” a critic noted. The record was awarded a diploma of the 1st degree for sound engineer Igor Veprintsev's work at the *Melodiya* competition in 1980.

Almost all of Schumann's works featured here date back to the “year of song” – *Die Lotosblume* from *Myrthen* (after Heinrich Heine), *Mondnacht* from *Liederkreis* (after Joseph von Eichendorff), *Stille Liebe* and *Stille Tränen* from *12 Gedichte* (after Justinus Kerner), and only *Meine Rose* from *6 Gedichte von Nikolaus Lenau* was written by Schumann in 1850, in the last period of his work.

The vocal cycle *Frauenliebe und -leben*, Op. 42, was set to the poetry of German romantic poet Adelbert von Chamisso (1781–1838). Chamisso was a son of a French émigré who ran from the French Revolution. Germany became his second home. Apart from writing poetry, Chamisso was a botanist, traveller and editor of the publication *Berliner Musenalmanach*. Chamisso's works were widely known, especially his amorous poetry and poems dedicated to family life.

Gustav Mahler (1860–1911) is one of the most remarkable music phenomena of the late nineteenth and early twentieth centuries. Mahler's legacy amazes with its genre limits – symphonies and songs. The symphonies are grandiose epics, passionate speeches directed to all mankind; the songs are the composer's intimate diary where he expresses his internal thoughts and feelings. These genres are closely intertwined in Mahler's music. One the composer admitted that throughout his life he wrote music answering Dostoyevsky's question "How can I be happy when another creature suffers somewhere?" This is what his symphonies are about with their acute dramatic collisions and ecstatic rises filled with tragic content and elated light lyricism. His vocal cycles set to his own words, lyrics of folk songs and verses of his favourite romantic poet Friedrich Rückert (1788–1866) are about the same.

The five poems that form the basis of Mahler's vocal and symphonic cycle *Kindertotenlieder* (*Songs on the Death of Children*) were written by the poet following the death of his two children. The piece is a cycle of small elegiac poems with a common theme of inconsolable grief. These poems pour out enormous woe. The contrasting images are life and death, a still serene yesterday and a fearful today, sunshine and mental darkness, broken happiness and ever festive nature. The composer addressed the poems in 1901 arguably under the influence of Dostoyevsky, to whom, and Mahler as well, "What does the child suffer for?" was the most burning question. It is also possible that the topic was prompted by the composer's childhood experience – he was the second son in the family with fourteen children, but eight of his siblings died in infancy.

Mahler wrote *Kindertotenlieder* between 1901 and 1904 as a vocal and symphonic cycle. Its piano version appeared later. The musical language of the cycle rests on the tradition of German *Lied* ("song") known for tact and noble restraint. The important component of music speech that helps achieve the greatest psychological expressiveness of the songs is their fine and laconic orchestral palette. A whole gamut of sorrow unfolds in the cycle. It reaches its climax in the last song – ennui after the first bursts of despair, loneliness, oblivion that bring reminiscences and finally a complete loss of the sense of reality followed by horrible disillusionment that lead the tormented souls to sorrowful resignation.

The first song *Nun will die Sonn' so hell aufgeh'n* (*Now the sun wants to rise as brightly*) is slow and concentrated. The oboe and French horn open it followed by the voice. The melody is restrained, and even sounds calm on the surface. Despair breaks through just for a moment. The second song *Nun seh' ich wohl, warum so dunkle Flammen* (*Now I see well, why with such dark flames*) is like a direct continuation of the first one. Its melody is more flexible, songful and emotionally open. The third song *Wenn dein Mütterlein* (*When your mama*) is a new facet, a new tinge of mood. This is the first address to a child – a simple tune sounds as tenderly as a lullaby. The fourth song *Oft denk' ich, sie sind nur ausgegangen* (*I often think: they have only just gone out*) is agitated and full of motion. The suffering here does not hide beneath the mask of tranquility and pacification. The finale *In diesem Wetter* (*In this weather*) as if pours out of the previous song. The music depicts a windy storm. But it is also a storm inside the soul. A calm and soft melodious bit comes to replace the furious sounds. It all gradually comes to a standstill.

Elena Obraztsova performed Gustav Mahler's *Kindertotenlieder* for the first time on 9 February 1977 with the Academic Philharmonic Symphony Orchestra conducted by Yuri Simonov at the recital at the Grand Hall of the Leningrad Philharmonic Society. The singer revisited the music on a number of occasions during two decades performing both vocal and symphonic and piano versions.

This album features the recorded broadcast of her concert that took place on 15 April 1981 in Moscow from the Grand Hall of the Moscow Conservatory. The singer is accompanied by the Moscow Radio Symphony Orchestra conducted by Yuri Simonov.

Compiled by L. Leontieva*

---

*The texts used previously appeared in the articles by A. Kenigsberg (R. Schumann) and L. Mikheyeva (G. Mahler) from the reference guide *111 Oratorios, Cantatas and Vocal Cycles* and in the liner notes of All-Union Record Company *Melodiya*.

Adelbert von Chamisso
Frauenliebe und -leben

I
Seit ich ihn gesehen,
Glaub' ich blind zu sein;
Wo ich hin nur blicke,
Seh' ich ihn allein;
Wie im wachen Traume
Schwebt sein Bild mir vor,
Taucht aus tiefstem Dunkel,
Heller nur empor.

Sonst ist licht- und farblos
Alles um mich her,
Nach der Schwestern Spiele
Nicht begehrt' ich mehr,
Möchte lieber weinen,
Still im Kämmerlein;
Seit ich ihn gesehen,
Glaub' ich blind zu sein.

II
Er, der Herrlichste von allen,
Wie so milde, wie so gut!
Holde Lippen, klares Auge,
Heller Sinn und fester Mut.

So wie dort in blauer Tiefe,
Hell und herrlich, jener Stern,
Also er an meinem Himmel,
Hell und herrlich, hoch und fern.

Wandle, wandle deine Bahnen;

Адельберт фон Шамиссо
«Любовь и жизнь женщины»

I
Что со мной случилось?
Или это сон?
Взгляд куда ни брошу,
Всюду только он.
Вижу милый образ
В грезах и во сне,
Он из тьмы глубокой
Ярко светит мне.

Серым стал и тусклым
Мир вокруг меня.
В уголке укромном
Тихо плачу я.
Бросила забавы,
В сердце – только он.
Что со мной случилось?
Или это сон?

II
Он прекрасней всех на свете,
В мире нет его умней.
Самый добрый, самый смелый,
Самый лучший из людей.

Как из глубины небесной
Свет звезды на землю лег,
На моем он небосводе –
И прекрасен, и далек.

Бродишь, бродишь ты по свету,

Nur betrachten deinen Schein,
Nur in Demut ihn betrachten,
Selig nur und traurig sein!

Höre nicht mein stilles Beten,
Deinem Glücke nur geweiht;
Darfst mich nieder Magd nicht kennen,
Hoher Stern der Herrlichkeit!

Nur die Würdigste von allen
Soll beglücken deine Wahl,
Und ich will die Hohe segnen,
Segnen viele tausend Mal.

Will mich freuen dann und weinen,
Selig, selig bin ich dann,
Sollte mir das Herz auch brechen,
Brich, o Herz, was liegt daran.

III
Ich kann's nicht fassen, nicht glauben,
Es hat ein Traum mich berückt;
Wie hätt' er doch unter allen
Mich Arme erhöht und beglückt?

Mir war's, er habe gesprochen:
Ich bin auf ewig dein –
Mir war's – ich träume noch immer,
Es kann ja nimmer so sein.

O laß im Traume mich sterben,
Gewieget an seiner Brust,
Den seligsten Tod mich schlürfen
In Tränen unendlicher Lust.

Путь твой убегает вдаль.
На тебя смотреть смиренно –
Это счастье и печаль.

Ты моей мольбы не слышишь.
О тебе молюсь всегда.
Девы скромной не заметишь –
Ты, прекрасная звезда.

Только с той, что всех достойней,
К алтарю ты подойдешь.
Сотни раз благословляю
Ту, что в жены изберешь.

Я от радости заплачу,
И счастливой буду я.
Только сердце разобьется.
Как прожить мне без тебя?

III
Не понимаю, не верю,
Я вся в объятиях сна:
Отверг он красавиц знатных.
За что он выбрал меня?

Так было – он говорил мне:
«Теперь навек я твой».
Так было – снилось мне раньше,
Не мне клянется, другой.

И умереть я мечтаю
Во сне на его груди
В слезах восторга и счастья.
О смерть, в этот миг ты приходи!

IV
Du Ring an meinem Finger,
Mein goldnes Ringelein,
Ich drücke dich fromm an die Lippen,
Dich fromm an das Herze mein.

Ich hatt' ihn ausgeträumet,
Der Kindheit friedlich schönen Traum,
Ich fand allein mich, verloren
Im öden, unendlichen Raum.

Du Ring an meinem Finger,
Da hast du mich erst belehrt,
Hast meinem Blick erschlossen
Des Lebens unendlichen Wert.

Ich will ihm dienen, ihm leben,
Ihm angehören ganz,
Hin selber mich geben und finden
Verklärt mich in seinem Glanz.

Du Ring an meinem Finger,
Mein goldnes Ringelein,
Ich drücke dich fromm an die Lippen,
Dich fromm an das Herze mein.

V
Helft mir, ihr Schwestern,
Freundlich mich schmücken,
Dient der Glücklichen heute mir.
Windet geschäftig
Mir um die Stirne
Noch der blühenden Myrte Zier.

IV
Колечко золотое,
К устам тебя прижму,
А после прижму тебя крепко
К сердцу своему.

И сон прекрасный детства
Не снится – тихий, сладкий – мне.
Ищу себя, погибаю
Одна, наяву и во сне.

Колечко золотое,
Открыло ты мне сейчас
И смысл, и ценность жизни.
Запомню навеки я этот час.

Всецело принадлежать я
Любимому хочу.
Служить ему, жить для него лишь,
Во всем уступать ему.

Колечко золотое,
К устам тебя прижму,
А после прижму тебя крепко
К сердцу своему.

V
Милые сестры,
Мне помогите,
Нарядите скорей меня.
Самый прекрасный
День наступает,
Всех счастливей сегодня я.

Als ich befriedigt,
Freudigen Herzens,
Dem Geliebten im Arme lag,
Immer noch rief er,
Sehnsucht im Herzen,
Ungeduldig den heut'gen Tag.

Helft mir, ihr Schwestern,
Helft mir verscheuchen
Eine törichte Bangigkeit;
Daß ich mit klarem
Aug' ihn empfangen,
Ihn, die Quelle der Freudigkeit.

Bist, mein Geliebter,
Du mir erschienen,
Giebst du, Sonne, mir deinen Schein?
Laß mich in Andacht,
Laß mich in Demut,
Mich verneigen dem Herren mein.

Streuet ihm, Schwestern,
Streuet ihm Blumen,
Bringt ihm knospende Rosen dar.
Aber euch, Schwestern,
Grüß' ich mit Wehmut,
Freudig scheidend aus eurer Schar.

VI
Süßer Freund, du blickest
Mich verwundert an,
Kannst es nicht begreifen,
Wie ich weinen kann;
Laß der feuchten Perlen

В каждую встречу
Мой ненаглядный,
Если в объятьях меня держал,
Нетерпеливо,
Страстью сгорая,
День сегодняшний он призывал.

Милые сестры,
Мне помогите
Все тревоги и страх прогнать,
Чтобы его я,
Счастья источник,
С ясным взором могла принять.

Ах, мой любимый,
Встань предо мною.
Солнце, рассей лучами тьму.
Жажду смиренно,
Благоговейно
Я покориться навек ему.

Милые сестры,
Вы поднесите
Роз пунцовых ему букет.
Грустно расстаться,
Девушки, с вами,
Вам прощальный я шлю привет.

VI
Милый друг, ты смотришь,
И в глазах вопрос.
Ах, не понимаешь
Ты причину слез.
Жемчуг этот будет

Ungewohnte Zier
Freudenhell erzittern
In dem Auge mir.

Wie so bang mein Busen,
Wie so wonnevoll!
Wüßt' ich nur mit Worten,
Wie ich's sagen soll;
Komm und birg dein Antlitz
Hier an meiner Brust,
Will ins Ohr dir flüstern
Alle meine Lust.

Weißt du nun die Tränen,
Die ich weinen kann?
Sollst du nicht sie sehen,
Du geliebter Mann;
Bleib an meinem Herzen,
Fühle dessen Schlag,
Daß ich fest und fester
Nur dich drücken mag.

Hier an meinem Bette
Hat die Wiege Raum,
Wo sie still verberge
Meinen holden Traum;
Kommen wird der Morgen,
Wo der Traum erwacht,
Und daraus dein Bildniß
Mir entgegen lacht.

VII
An meinem Herzen, an meiner Brust,
Du meine Wonne, du meine Lust!

Очи украшать,
И в глазах счастливых
Радостно дрожать.

И блаженство в сердце,
И тревога в нем.
Слов таких не знаю –
Рассказать о том.
Спрячь лицо, любимый,
На моей груди,
Слушай тихий шепот.
О, приди, приди!

Видишь, льются слезы
В тишине ночной.
Разве их не должен
Видеть милый мой?
Слышишь, бьется сердце:
Радостно ему.
И тебя я крепко,
Нежно обниму.

У моей постели
Колыбель стоит;
Тихий, безмятежный
Сон она таит.
А настанет утро,
В сладком полусне –
Он, твой точный образ,
Улыбнется мне.

VII
Ты – радость сердца, ты – свет очей,
Само блаженство в душе моей.

Das Glück ist die Liebe, die Lieb' ist das Glück,
Ich hab's gesagt und nehm's nicht zurück.

Hab' überglücklich mich geschätzt
Bin überglücklich aber jetzt.
Nur die da säugt, nur die da liebt
Das Kind, dem sie die Nahrung giebt;

Nur eine Mutter weiß allein,
Was lieben heißt und glücklich sein.
O, wie bedaur' ich doch den Mann,
Der Mutterglück nicht fühlen kann!

Du schauest mich an und lächelst dazu,
Du lieber, lieber Engel, du!
An meinem Herzen, an meiner Brust,
Du meine Wonne, du meine Lust!

VIII
Nun hast du mir den ersten Schmerz getan,
Der aber traf.
Du schläfst, du harter, unbarmherz'ger Mann,
Den Todesschlaf.
Es blicket die Verlaßne vor sich hin,
Die Welt ist leer.
Geliebet hab' ich und gelebt, ich bin
Nicht lebend mehr.

Ich zieh' mich in mein Innres still zurück,
Der Schleier fällt,
Da hab ich dich und mein verlornes Glück,
Du meine Welt!

Любовь – это счастье, а счастье – любовь.
Я повторю слова эти вновь.

Так рада матерью я быть:
Дитя лелеять и кормить.
Нет в мире ничего сильней
Любви и нежности моей.

Да, знает это только мать.
Мужчинам не дано узнать
Безмерность счастья и любви.
Достоины жалости они.

Ах, милый ангел, мой мальш,
С улыбкой на меня глядишь.
Ты – радость сердца, ты – свет очей,
Само блаженство в душе моей.

VIII
Ах, солнце скрылось, ветер вдруг подул,
Ударил гром.
Как больно мне: жестокий, ты заснул
Смертельным сном.

Мир опустел. Сгорело все дотла,
И меркнет свет.
Была любовь, и жизнь была,
И жизни больше нет.

Я ужоу в себя; упал покров
На мир мечты.
Там счастье погибшее мое,
Там я и ты.

(перевод Т. Лопатиной)

Joseph Freiherr von Eichendorf
Mondnacht

Es war, als hätt' der Himmel
Die Erde still geküßt,
Daß sie im Blütenschimmer
Von ihm nun träumen müßt'.

Die Luft ging durch die Felder,
Die Ähren wogten sacht,
Es rauschten leis die Wälder,
So sternklar war die Nacht.

Und meine Seele spannte
Weit ihre Flügel aus,
Flog durch die stillen Lande,
Als flöge sie nach Haus.

Heinrich Heine
Die Lotosblume

Die Lotosblume ängstigt
Sich vor der Sonne Pracht,
Und mit gesenktem Haupte
Erwartet sie träumend die Nacht.

Der Mond, der ist ihr Buhle,
Er weckt sie mit seinem Licht,
Und ihm entschleiert sie freundlich
Ihr frommes Blumengesicht.

Sie blüht und glüht und leuchtet
Und starret stumm in die Höh';
Sie duftet und weinet und zittert
Vor Liebe und Liebesweh.

Йозеф фон Эйхендорф
«Лунная ночь»

Свод неба, верно, землю
Поцеловал тайком,
В цветочной дымке дремлет
И грезит все о нем.

Повеял ветер в поле,
Колосья взволновал,
Лес зашумел привольно,
Звезд сонм воссиял.

Душа моя широко
Раскинула крыла,
И словно в дом далекий
По небу поплыла.

(перевод N.N.)

Генрих Гейне
«Лотос»

Опустясь головкой сонной
Под огнем дневных лучей,
Тихо лотос благовонный
Ждет мерцающих ночей.

И лишь только выплывает
В небо кроткая луна,
Он головку поднимает,
Пробуждаясь ото сна.

На листьях душистых блещет
Чистых слез его роса,
И любовью он трепещет,
Грустно глядя в небеса.

(перевод М. Михайлова)

Justinus Kerner
Stille Liebe

Könnst' ich dich in Liedern preisen,
Säng' ich dir das längste Lied.
Ja, ich würd' in allen Weisen
Dich zu singen nimmer müd'!

Doch was immer mich betrübte,
Ist daß ich nur immer stumm
Tragen kann dich, Herzgeliebte,
In des Busens Heiligtum.

Und daß du, was laut ich sage,
Oder preis' in Sangeslust,
Meinst, daß ich tiefer trage
Als dich, Herz, in warmer Brust.

Dieser Schmerz hat mich bezwungen,
Daß ich sang dies kleine Lied,
Doch von bitterm Leid durchdrungen,
Daß noch keins auf dich geriet.

Юстинус Кернер
«Тихая любовь»

Если б знать, что эти очи
В песнях мог прославить я,
Воспевал бы дни и ночи
Я одну, одну тебя.

Лишь о том скорблю, вздыхая,
Что ношу, всегда немой,
В сердце бедном, о родная,
Я желанный образ твой.

Ах, от мук от этих жгучих
Песнью дрогнула струна,
Но одних лишь слез горячих
Песнь моя была полна.

(перевод А. Ефременкова)

Justinus Kerner
Stille Tränen

Du bist vom Schlaf erstanden
Und wandelst durch die Au.
Da liegt ob allen Landen
Der Himmel wunderblau.

So lang du ohne Sorgen
Geschlummert schmerzenlos,
Der Himmel bis zum Morgen
Viel Tränen niedergoß.

In stillen Nächten weinet
Oft mancher aus dem Schmerz,
Und morgens dann ihr meinet,
Stets fröhlich sei sein Herz.

Юстинус Кернер
«Тихие слезы»

Ты бродишь утром рано
Среди цветущих трав.
В лучах зари румяной
Горит листва дубрав.

Всю ночь, когда так сладко
Ты спал под кровом грез,
Струила мгла украдкой
Потоки тихих слез.

Безмолвной ночью в горе
Иной так слезы льет,
А днем, кто в светлом взоре
След этих слез найдет.

(перевод А. Ефременкова)

Nikolaus Lenau
Meine Rose

Dem holden Lenzgeschmeide,
Der Rose, meiner Freude,
Die schon gebeugt und blasser
Vom heißen Strahl der Sonnen,
Reich' ich den Becher Wasser
Aus tiefem Bronnen.

Du Rose meines Herzens!
Vom stillen Strahl des Schmerzens
Bist du gebeugt und blasser;
Ich möchte dir zu Füßen,
Wie dieser Blume Wasser,
Still meine Seele gießen!
Könnt' ich dann auch nicht sehen
Dich auferstehen.

Николаус Ленау
«Моя роза»

Я нежной алой розе,
Мне другом подаренной,
Увядшей и поникшей
Под жаркой лаской солнца,
Влаги волшебной чашу
Несу, как дар целебный.

О сердце, ты как роза!
Ты знало скорбь и слезы,
Все, что жестоко ранит.
Я знаю, день настанет,
Солнце тебя коснется,
Радость опять проснется!
Ты, как цветок садовый,
В тот день воспрянешь снова.

(перевод Н. Райского)

Friedrich Rückert
Kindertotenlieder

I
Nun will die Sonn' so hell aufgeh'n,
Als sei kein Unglück die Nacht gescheh'n!
Das Unglück geschah nur mir allein!
Die Sonne, sie scheint allgemein!

Du mußt nicht die Nacht in dir verschränken,
Mußt sie ins ew'ge Licht versenken!
Ein Lämplein verlösch in meinem Zelt!
Heil sei dem Freudenlicht der Welt!

II
Nun seh' ich wohl, warum so dunkle Flammen
Ihr sprühtet mir in manchem Augenblicke.
O Augen, gleichsam, um voll in einem Blicke
Zu drängen eure ganze Macht zusammen.

Doch ahnt' ich nicht, weil Nebel mich
umschwammen,
Gewoben vom verblendenden Gescheh'n,
Daß sich der Strahl bereits zur Heimkehr
schicke,
Dorthin, von wannen alle Strahlen stammen.

Ihr wolltet mir mit eurem Leuchten sagen:
Wir möchten nah dir immer bleiben gerne!
Doch ist uns das vom Schicksal abgeschlagen.

Sieh' recht uns an, denn bald sind wir dir ferne!
Was dir noch Augen sind in diesen Tagen:
In künft'gen Nächten sind es dir nur Sterne.

Фридрих Рюккерт
«Песни об умерших детях»

I
Заря восходит, так светла,
Как будто не знает, что ночь принесла...
Что утру до горя в моем дому?
Ведь солнце сияет не мне одному!

И все же не делай из сердца темницы,
Боль в вечном свете должна раствориться!
Пусть дом мой сегодня придавлен мглой,
Свет да пребудет над всею землей!

II
Теперь понятно мне в моей печали,
Зачем вы пламень скорбный источали,
Глаза родные! Вы предвидели, быть может,
Что скоро день последний будет прожит!

А я не знал, – откуда знать мне было,
Что вас уже другие ждут светила,
Что ваш удел – умчаться без возврата
В тот край, откуда вы пришли когда-то!

Тот жгучий взгляд ваш мне твердил
с тоскою:
«Расстаться страшно нам с тобою!
Но близок час разлуки непреложной...»

Гляди ж на нас, гляди, покуда можно!
Еще с тобой пока что мы, но скоро
Нас примут в лоно звездные просторы...»

III
Wenn dein Mütterlein
Tritt zur Tür herein,
Und den Kopf ich drehe,
Ihr entgegen sehe,
Fällt auf ihr Gesicht
Erst der Blick mir nicht,
Sondern auf die Stelle,
Näher nach der Schwelle,
Dort, wo würde dein
Lieb Gesichten sein,
Wenn du freudenhelle
Trätest mit herein,
Wie sonst, mein Töchterlein.

Wenn dein Mütterlein
Tritt zur Tür herein,
Mit der Kerze Schimmer,
Ist es mir, als immer
Kämst du mit herein,
Huschtest hinterdrein,
Als wie sonst ins Zimmer!
O du, des Vaters Zelle,
Ach, zu schnell
Erloschner Freudenschein!

IV
Oft denk' ich, sie sind nur ausgegangen,
Bald werden sie wieder nach Hause gelangen,
Der Tag ist schön, o sei nicht bang,
Sie machen nur einen weiten Gang.

Ja wohl, sie sind nur ausgegangen,
Und werden jetzt nach Hause gelangen,
O, sei nicht bang, der Tag is schön,
Sie machen nur den Gang zu jenen Höh'n.

III
Чуть слышу я: мать вошла твоя,
И на дверь, как прежде, я гляжу в надежде:
Вдруг и ты сейчас вслед впорхнешь, резвясь?
Взор мой ждет ответа, что ж ты медлишь?
Дочка, где ты?
Пусть твой смех счастливый
Скрасит мой досуг тоскливый.
Детской ласкою мне сердце отогрей,
Приди, приди скорей!
Снова слышу я: мать вошла твоя,
Свечка замерцала; боль мне сердце сжала.
Жду, что вслед сейчас
Ты впорхнешь, резвясь,
Как не раз бывало...
О, свет мой, свет желанный, небом данный,
Что ж так рано ты навсегда угас,
Скажи, зачем угас!

IV
В плену я одной мечты знакомой:
Гуляют они и вот-вот будут дома...
Не плачь, мой друг, даль так ясна,
Что делать, прогулка их длинна.

И все ж, и все ж я твердо знаю:
Мы будем вновь с ними вместе, родная!
О, не грусти! Ведь день так хорош!
Пускай никогда ты детей не вернешь,

Sie sind uns nur voraus gegangen,
Und werden nicht wieder nach Haus verlangen,
Wir holen sie ein auf jenen Höh'n
Im Sonnenschein, der Tag is schön
auf jenen Höh'n.

V
In diesem Wetter, in diesem Braus,
Nie hätt' ich gesendet die Kinder hinaus;
Man hat sie getragen hinaus,
Ich durfte nichts dazu sagen!

In diesem Wetter, in diesem Saus,
Nie hätt' ich gelassen die Kinder hinaus,
Ich fürchtete sie erkranken;
Das sind nun eitle Gedanken.

In diesem Wetter, in diesem Graus,
Nie hätt' ich gelassen die Kinder hinaus;
Ich sorgte, sie stürben morgen,
Das ist nun nicht zu besorgen.

In diesem Wetter, in diesem Graus!
Nie hätt' ich gesendet die Kinder hinaus!
Man hat sie hinaus getragen,
Ich durfte nichts dazu sagen!

In diesem Wetter, in diesem Saus, in diesem
Braus,
Sie ruh'n als wie in der Mutter Haus,
Von keinem Sturm erschreckt,
Von Gottes Hand bedecked.

Пусть им заказан путь обратный,
Мы сами за ними пойдем в край закатный.
Догоним мы их, к сердцу прижмем,
Я знаю, я верю: мы там их найдем,
Мы там их найдем!

V
В такую бурю, свидетель Бог,
Никто не пускает детей за порог.
Моих же выносят из дома родного,
А я гляжу – и ни слова!

В такую бурю, спроси людей,
Тепло укрывают в постелях детей.
Моих я укрыл бы тоже,
Но это уж им не поможет!

В такую бурю, в такую жуть
Сам отпускаю детей в дальний путь,
Я сам открываю дверь им,
Ничто не страшно теперь им!

В такую бурю, свидетель Бог,
Никто не пускает детей за порог.
Моих же на дождь выносят,
Чтоб в землю мокрую бросить!

Стихает буря, смолкает гром,
И дети мои спят, как в доме родном.
Укрытые надежно, спят сладко,
бестревожно
Блаженным вечным сном...

(перевод Э. Александровой)

Роберт Шуман

«Любовь и жизнь женщины», вокальный цикл для голоса и фортепиано на стихи

Адельберга фон Шамиссо, соч. 42

1	1. «Взор его при встрече»	2.24
2	2. «Он прекрасней всех на свете»	3.02
3	3. «Не знаю, верить ль счастью»	1.53
4	4. «Колечко золотое»	2.51
5	5. «Помогите мне, сестры»	1.51
6	6. «Милый друг, смущен ты»	4.55
7	7. «Прильни ты к сердцу, прильни к груди»	1.30
8	8. «Ты причинил мне первую боль»	4.09
9	«Лунная ночь», соч. 39 № 5 (на стихи Йозефа фон Эйхендорфа)	3.57
10	«Лотос», соч. 25 № 7 (на стихи Генриха Гейне)	2.03
11	«Тихая любовь», соч. 35 № 8 (на стихи Юстинуса Кернера)	3.21
12	«Тихие слезы», соч. 35 № 10 (на стихи Юстинуса Кернера)	4.19
13	«Моя роза», соч. 90 № 2 (на стихи Николауса Ленау)	2.54

Густав Малер

«Песни об умерших детях», вокальный цикл для голоса и оркестра на стихи

Фридриха Рюккерта (1904)

14	1. «Заря восходит, так светла»	5.39
15	2. «Теперь понятно мне в моей печали»	5.19
16	3. «Чуть слышу я: мать вошла твоя»	4.17
17	4. «В плену я одной мечты знакомой»	2.45
18	5. «В такую бурю, свидетель Бог»	6.46

Общее время: 64.05

Елена Образцова, *меццо-сопрано*

Важа Чачава, *фортепиано* (1–13)

Большой симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио

Дирижер – Юрий Симонов (14–18)

Записи: 1979 г. (1–13); с концерта в Большом зале Московской консерватории

15 апреля 1981 г. (14–18)

Звукорежиссер – И. Вепринцев

Robert Schumann

Frauenliebe und -leben, a vocal cycle for voice and piano to the poetry

by Adelbert von Chamisso, Op. 42

1	1. <i>Seit ich ihn gesehen</i>	2.24
2	2. <i>Er, der Herrlichste von allen</i>	3.02
3	3. <i>Ich kann's nicht fassen, nicht glauben</i>	1.53
4	4. <i>Du Ring an meinem Finger</i>	2.51
5	5. <i>Helft mir, ihr Schwestern</i>	1.51
6	6. <i>Süßer Freund, du blickest</i>	4.55
7	7. <i>An meinem Herzen, an meiner Brust</i>	1.30
8	8. <i>Nun hast du mir den ersten Schmerz getan</i>	4.09
9	<i>Mondnacht</i> , Op. 39 No. 5 (lyrics by Joseph Freiherr von Eichendorf)	3.57
10	<i>Die Lotosblume</i> , Op. 25 No. 7 (lyrics by Heinrich Heine)	2.03
11	<i>Stille Liebe</i> , Op. 35 No. 8 (lyrics by Justinus Kerner)	3.21
12	<i>Stille Tränen</i> , Op. 35 No. 10 (lyrics by Justinus Kerner)	4.19
13	<i>Meine Rose</i> , Op. 90 No. 2 (lyrics by Nikolaus Lenau)	2.54

Gustav Mahler

Kindertotenlieder, a vocal cycle for voice and orchestra to the poetry by Friedrich Rückert (1904)

14	1. <i>Nun will die Sonn' so hell aufgeh'n</i>	5.39
15	2. <i>Nun seh' ich wohl, warum so dunkle Flammen</i>	5.19
16	3. <i>Wenn dein Mütterlein</i>	4.17
17	4. <i>Oft denk' ich, sie sind nur ausgegangen</i>	2.45
18	5. <i>In diesem Wetter</i>	6.46

Total time: 64.05

Elena Obraztsova, *mezzo-soprano*

Vazha Chachava, *piano* (1–13)

The Moscow Radio Symphony Orchestra

Conductor – Yuri Simonov (14–18)

Recorded in 1979 (1–13); live at the Grand Hall of the Moscow Conservatory

on April 15, 1981 (14–18).

Sound engineer – I. Veprintsev

